

Е.М. Сергеев

Взгляд сквозь годы. Воспоминания

(Продолжение¹)

Евгений Михайлович СЕРГЕЕВ (1914–1997) — крупнейший советский и российский ученый в области грунтоведения, инженерной геологии и охраны геологической среды, талантливый педагог Московского государственного университета, выдающийся организатор геологической науки, академик АН СССР и РАН, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. По инициативе Е.М. Сергеева в 1978 г. в издательстве «Наука» был открыт академический журнал «Инженерная геология» (сейчас существующий под названием «Геозкология: инженерная геология, гидрогеология, геоэкология»), главным редактором которого он являлся до 1987 г.

На страницах нашего журнала перепечатывается книга Е.М. Сергеева «Взгляд сквозь годы. Воспоминания», вышедшая в 2014 году в издательстве «ГЕОС» под редакцией В.И. Осипова (составители — О.Н. Еремина, Н.Е. Сергеева). Основой для нее послужили книги ученого «За строкой фронтового письма» (М.: Воениздат, 1985), «Московский университет: взгляд сквозь годы» (М.: Изд-во МГУ, 1992), а также его мемуары, не издававшиеся ранее. В публикации приводится правдивый рассказ о жизненном пути академика, неразрывно связанном с историей нашей страны.

Глава 15 Сталинград

В Сталинграде я пробыл с начала августа до 1 января 1943 года. Моя военная служба сложилась таким образом, что я ежедневно писал разведсводки штаба фронта для Москвы, сопоставляя весь материал, который за сутки поступил в разведотдел. По моей должности мне полагалось знать все, что делается у противника в определенной полосе. И не просто знать, но и предвидеть, что будет делать противник на следующий день. Мое начальство могло отвергнуть мое предположение, высказать совсем противоположную точку зрения, но первое письменное заключение полагалось сделать мне.

Сразу после переезда из Калача в Сталинград (это произошло 6 или 7 августа 1942 года) большую группу командиров, собранных в зале бывшей средней школы, информировали о том, что с этого момента они представляют собой штаб Юго-Восточного фронта, создаваемого на базе части сил Сталинградского фронта, задачей которого является оборона Сталинграда с юго-западной и южной сторон. На самом деле полнокровного штаба еще, конечно, не было — образовалось лишь его ядро. В течение нескольких дней происходила перетрусска личного состава. Несколько командиров, прибывших из штабов армий, были возвращены в свои объединения, немало командиров прилетело самолетами из Москвы. Среди них были и такие, которые оказались на фронте впервые. Я же без задержки получил назначение в отделение, которое возглавил полковник В.И. Белокуров. Вместе со мной работали более опытные, чем я, люди:

подполковник Шматок, майоры Сезин, Быков и другие сотрудники. Здесь же в штабе старшим переводчиком РО трудился Григорий Зильбер, хорошо владевший немецким языком. Теперь мы встречались с ним чуть ли не ежедневно как на службе, так и в свободное время. Сравнительно недолго у нас пробыл еще и другой переводчик — Л.Ф. Парпаров. Он был тогда совсем молодым лейтенантом. В 60-х годах мы встретились с ним в Московском университете, когда Лев Федорович, будучи уже подполковником, работал на военной кафедре гуманитарных факультетов. Значительно позже в отдел приехал переводчик с румынского языка Игорь Никитин, такой же молодой лейтенант, как и Парпаров.

О полковнике Белокурове у меня остались самые хорошие воспоминания как об умном и культурном начальнике. Он иногда в свободные минуты живо рассказывал о Японии, где служил помощником военного атташе. Нас поражало в его рассказах многое, особенно традиции обожествления японского императора. Мог ли я тогда думать, что в 1965 году мне придется побывать у этого «божества» на приеме вместе с другими делегатами Международной генеральной конференции университетов и что после моего представления «божественный» микадо закричит своей жене, беседовавшей в нескольких шагах от него с богато одетыми дамами: «Иди сюда, я познакомлю тебя с проректором Московского университета!». Тогда, в Сталинграде, я никогда не поверил бы, что так может быть.

11 августа я писал жене: «...в последние дни я столько раз переезжал с места на место, столько получал раз-

¹ Начало — в № 1–6 журнала «Инженерная геология» за 2016 год и № 1 журнала «Инженерная геология» за 2017 год.

личных назначений, что и счет потерял. Сейчас как будто перешел на оседлый образ жизни и энергично включился в работу, которая мне все больше нравится».

Из занятого нами первоначально помещения школы мы переехали в дом на улице, ведущей от площади Павших борцов к долине речки Царица. Небольшое двухэтажное здание стояло недалеко от крутого спуска в долину. Во дворе была открыта глубокая щель, покрытая от осколков снарядов и бомб досками и дерном. В доме мы жили и работали, а питаться ходили в столовую, находившуюся в полуподвальном помещении одного из зданий на площади Павших борцов.

Майор Сезин и я стали «направленцами», то есть получили определенную полосу фронта и обязаны были знать по возможности все, что происходило в ее пределах, причем чем подробнее, тем лучше. Это достигалось систематическим сбором сведений, постоянным их анализом, стремлением понять, что происходит и что может произойти на интересующем нас участке. Добытые всеми путями объективные данные наносились на карту, и работу над ней я без малейшей натяжки назвал бы соизмеримой со сложным научным исследованием.

Обстановка на моем направлении в тот момент, когда я вступил в новую должность, оказалась весьма сложной: 4-я немецкая танковая армия, наступавшая на Сталинград вдоль железной дороги со стороны Котельниковского, достигла железнодорожного разъезда «74-й километр». Здесь она встретила упорное сопротивление войск 64-й и 57-й армий. В донесениях мелькали незнакомые ранее названия населенных пунктов — Абганерово, Плодовитое, Тундутово и другие, номера соединений и частей, их численность, состав, направления ударов... Словом, объем работы оказался огромным, а ответственность за ее результаты и того больше.

Неблагополучно складывалась для нас обстановка западнее Сталинграда, где войска 62-й армии под натиском 6-й немецкой армии вынуждены были отойти на левый берег Дона. И все же, несмотря на обилие дел, отнимавших массу времени и душевных сил, штаб фронта, его службы работали все более слаженно и ритмично, в результате чего постепенно налаживался и быт. Вот что я писал жене 17 августа: «Распорядок дня тоже стал твердым. Встаю часов в 8, иду под душ, потом чищу зубы (ты, конечно, будешь смеяться, что пишу о такой ерунде, но напомино, что за время пребывания на фронте все это для меня впервые). Затем завтрак и работа; с двух до четырех — обед, и снова работа. Часов в 8–10 ужин, потом опять же работа до 12–1 часа ночи и, наконец, самый настоящий сон».

Нет, твердый распорядок дня — далеко не пустяк, особенно на войне. По себе убедился, как благотворно действовала организованность на работоспособность, как она дисциплинировала, подтягивала человека. Но, конечно, если для этого были условия.

Жизнь в Сталинграде протекала нормально. Так было до 23 августа. 23 августа я с группой офицеров после завтрака вернулся в свое отделение. Все вошли в дом, а я остался покурить на крылечке. По радио объявили воздушную тревогу, но никто не обратил на это особого внимания: мы уже привыкли к тому, что все ограничивалось либо появлением на большой высоте немецкого самолета-разведчика, либо над городом завязывался воздушный бой наших истребителей с «Мессершмиттами», после окончания которого звучал сигнал «Отбой». Но

на этот раз громкоговорители упорно повторяли: «Граждане, воздушная тревога!», «Граждане, воздушная тревога!». Это насторожило. Случайно посмотрел на восток, за Волгу, и увидел вдруг идущую к городу со стороны солнца тучу (не найду другого слова) немецких самолетов. Ничего подобного видеть еще не приходилось. Я вбежал в дом и крикнул:

— Товарищи, скорее в убежище, сейчас начнется страшная бомбежка: идет много немецких самолетов!

Все выскочили во двор и спустились в щель. Из непокрытой у входа ее части было видно, как от головного самолета оторвалась первая бомба. Падая, она издавала прямо-таки страшный рычащий звук. Эта первая бомба, сброшенная на Сталинград, упала сравнительно недалеко от нас в долину реки Царица и совсем близко от входа в тоннель КП фронта. На Сталинград волна за волной накатывались вражеские самолеты. И вот уже черные, выраставшие на глазах точки бомб посыпались на город как горох. От взрывов бомб все вокруг заходило ходуном, на голову укрывшихся в щели штабистов посыпались песок и мелкие комья земли. Началась варварская бомбежка Сталинграда.

После первого массированного налета вражеской авиации нам приказано было переселиться в тоннель КП штаба фронта. Несмотря на колоссальные разрушения в городе, связь работала устойчиво. К сожалению, сведения с передовой поступали неутешительные: к исходу дня части 6-й немецкой армии вышли севернее Сталинграда к Волге в районе Латошинка — Рынок, отрезав 62-ю армию от основных сил фронта, появились на подступах к Тракторному заводу. Территория, захваченная фашистами севернее Сталинграда, представляла собой узкий коридор, простреливавшийся с севера и юга. Казалось бы, что удержаться там трудно, но гитлеровцы зарыли свои танки в землю, превратив их в малоуязвимые огневые точки, и цепко удерживали захваченный коридор.

Бои развернулись уже в непосредственной близости от Сталинграда; город пылал от вражеских бомб, а я по-прежнему занимался своим направлением в районе разъезда «74-й км», где противник хотя и прорвался в район северо-восточнее Абганерово, но контрударами соединений 64-й и 57-й армий был остановлен.

На следующий день бомбежка возобновилась с новой силой, на город то и дело сыпались бомбы. Но, когда наступило время обеда и выяснилось, что столовая на площади Павших борцов продолжает работать, мы поочередно, по два-три человека, стали бегать туда «на заправку».

На улице, ведущей в столовую, в глубине двора стоял красивый старинный особняк с лепными украшениями на фасаде, а перед ним — большой круглый бассейн давно уже не действовавшего фонтана. В тот день, как и накануне, около особняка было много женщин, детей, стариков — по-видимому, здесь находился один из пунктов сбора эвакуируемых сталинградских жителей. Когда мы проходили мимо, завывали сирены воздушной тревоги, и часть людей бросилась в бассейн, который хоть в какой-то мере обеспечивал безопасность от осколков бомб и обломков зданий.

Обедать нам пришлось под грохот разрывов бомб, порой довольно близких. Понятно, что в разгар бомбежки выходить на улицу из казавшегося чуть ли не бастионом полуподвала было неразумно. Но, едва дождавшись относительного затишья, мы решили возвращаться на КП.

Я поднялся по лестнице, открыл дверь и увидел немецкий бомбардировщик: он летел довольно низко. Вслед за близким грохотом разрыва стена расположенного с другой стороны улицы универмага отделилась от здания, начала рушиться и осела грудой кирпича. А секунду спустя воздушная волна с такой силой ударила меня в грудь, что я полетел назад на своих товарищей, сбивая их с ног. Каким-то чудом никто из нас не пострадал.

Весь ужас бомбежки мы почувствовали, когда, прислушиваясь к далеким и близким взрывам, бежали обратно по знакомой улице на КП фронта: на месте бывшего фонтана зияла огромная воронка, особняк стоял с выбитыми стеклами и облетевшей лепкой. Рядом не было ни души. Ни одной живой души!..

Думаю, что уже на второй день бомбежка проходила для немцев почти безнаказанно: зенитные батареи были подавлены, наших истребителей было очень мало.

В последней декаде августа произошло приятное для меня событие, которым я, естественно, не мог не поделиться с семьей. 26 августа я написал жене письмо. Там были, в частности, такие строки: «У меня пока все в порядке, присвоили звание капитана, или, как говорил в свое время Петр Сироткин, “окапитанили”. Наверное, это не главное на войне, но звания в армии дают не за красивые глаза, а за умение, за пользу делу. Не скрою, приятно знать, что умею делать то, что от меня требуется».

Как это нередко бывает, легкомысленное «пока все в порядке» оказалось весьма неустойчивым. И верно, в туннеле КП фронта, хотя рядом с ним еще при первом налете вражеской авиации на Сталинград и разорвалась бомба, мы чувствовали себя в полной безопасности, работали спокойно и уверенно. Но длительное пребывание под землей спровоцировало вдруг застарелую малярию, подцепленную мной еще на первой производственной топографической практике в 1931 году в Северном Казахстане. Шли годы, а я все не мог от нее избавиться. Каждой весной, и только весной, она напоминала о себе. Но ведь сейчас был конец лета! Поэтому я сначала не понял, в чем дело, когда температура перевалила за сорок. Но скоро, прямо за рабочим столом, потерял сознание. Очнулся от тряски в санитарной машине. По отсветам пожаров понял, что едем ночью через Сталинград. Спросил санитаря:

— Куда вы меня везете?

— На переправу. В госпиталь вас приказано доставить.

— Какой там госпиталь, когда я чувствую себя хорошо, ослаб только. Тоже мне додумались: здорового человека из-за какой-то ерунды в тыл отправлять. Поворачивайте назад на КП!

— Ну, как прикажете.

Вернулись обратно. Чувствую, вроде и на самом деле полегчало. Однако на другой день стало меня так ломать и трясти, что догадался наконец: приступ малярии. Попросил зашедшего навестить меня Зильбера:

— Гриша, насколько мне известно, у тебя начальник медсанчасти — приятель. Добудь у него хинина или акрихина и, если сможешь, одолжи у кого-нибудь стаканчик водки — говорят, с ней лекарства лучше всасываются.

Лег на дощатый пол, накрылся шинелью. Жар быстро нарастал. С трудом меня растормошили товарищи. Увидел, что стоит передо мной Григорий, держит в одной руке бумажный пакетик (почему-то вспомнилось допотопное — фунтик), а в другой — большую жестяную кружку.

— Вот тебе ассорти — акрихин со шнапсом.

Не соображая, что делаю, я высыпал все ядовито-желтые таблетки в рот, осушил залпом содержимое кружки и словно провалился в черную бездну.

Утром, осмотрев меня, военврач из медсанчасти фронта только покачал головой:

— Ну и сердце у вас, капитан, — прямо железное. От такого лечения запросто могли отправиться к праотцам. А в госпиталь придется ехать, и немедленно. Работать в таком состоянии — чистое самоубийство. И не думайте возражать, все уже решено и подписано.

Ночью 29 августа меня благополучно переправили через Волгу в районе Красная Слобода и довезли на попутной машине вместе с ранеными до госпиталя, расположенного в городе Ленинск. Отлежавшись там пять дней и почувствовав себя более или менее сносно, уговорил госпитальное начальство выписать меня. И 4 сентября появился на новом командном пункте фронта, перенесенном на левый берег Волги, в лес у поселка Ямы. Здесь два дня спустя мне было доверено очень ответственное дело — вести 62-ю и 64-ю армии, державшие оборону на направлениях главных ударов противника, нацеленных на Сталинград. С этого дня я стал «направленным» на главном участке фронта. Рядом с оперативными картами на моем столе появился крупномасштабный план самого Сталинграда. Трудно было предположить, что пройдет немного времени и этот план станет для меня основным рабочим документом.

Внешне каких-либо серьезных изменений в характере моей деятельности не произошло. Я по-прежнему ежедневно составлял сводки; как и раньше, собирал, анализировал, обобщал многочисленные данные, поступавшие в отделение. На самом же деле пришлось тогда потрудиться с особым напряжением. Связано это было в первую очередь с тем, что развернувшаяся под Сталинградом грандиозная битва вступила, судя по всему, в решающую фазу. И если за ее ходом с надеждой и тревогой следили все советские люди, то нетрудно понять, какое чувство беспредельной ответственности испытывал каждый ее непосредственный участник. Ведь мы отчетливо представляли, что прорыв немецко-фашистских войск в районе Сталинграда к Волге, захват этого важного стратегического пункта и крупного промышленного района повлекли бы за собой разрыв коммуникаций, связывавших центр страны с Кавказом, резко ухудшили бы политическое и экономическое положение страны.

А обстановка на рубежах обороны курируемых мною армий к тому времени сложилась крайне тяжелая: еще 29 августа немецко-фашистские войска прорвали фронт северо-западнее Абганерово и, развивая наступление, создали угрозу тылам 64-й и 62-й армий. Поэтому приказом командующего Юго-Восточным фронтом эти армии были отведены на внутренний оборонительный обвод, где бои продолжались с нарастающим ожесточением.

Понятно, что быстро менявшаяся обстановка потребовала доведения оперативности в работе до предела, а тут еще возникло дополнительное осложнение — 62-я армия была передана в состав нашего фронта только 28 августа и потребовалось немало усилий, чтобы получить и осмыслить значительный объем новой информации. И нужно ли пояснять, какое удовлетворение я испытывал, если мои заключения оказывались точными, и какое разочарование вызывали пусть даже и нечастые ошибки.

Впрочем, штабная работа вообще немыслима без предельной собранности, дисциплинированности, личной ответственности каждого за порученный ему участок и слаженности всех звеньев. Именно такого отношения к делу, высокой штабной культуры требовал от подчиненных начальник штаба Юго-Восточного фронта генерал Г.Ф. Захаров. Среди сотрудников штаба он пользовался непререкаемым авторитетом. К сожалению, мы не так уж много знали тогда о его героическом прошлом, об участии в Первой мировой и Гражданской войнах, о предвоенной службе. Можно только пожалеть, что не было принято доводить буквально до каждого бойца биографии его командиров, комиссаров, командующих. Но и несмотря на это, мнение сотрудников штаба о Георгии Федоровиче Захарове было очень высоким.

Генерал до тонкостей знал штабную работу, отличался завидной работоспособностью, был требовательным и храбрым человеком. Даже в период интенсивных налетов вражеской авиации на Сталинград Г.Ф. Захаров редко спускался в свой блиндаж, а работал обычно неподалеку от него за столом, над которым был натянут тент, способный защитить разве что от солнечных лучей. Ну а поскольку речь зашла о его требовательности и справедливости, не могу не вспомнить эпизод, в котором я оказался одним из действующих лиц.

Дело было так. Как-то ночью заглянул к нам в блиндаж заместитель начальника оперативного отдела штаба фронта полковник Н.Я. Прихидько. Зашел, чтобы узнать, нет ли чего новенького на моем направлении. Это была установившаяся практика: сотрудники штаба регулярно обменивались имевшейся у них информацией. Я как раз сидел над сводкой за истекший день, о содержании которой и рассказал полковнику. А в заключение сказал, что есть сведения, будто в район населенного пункта (названия сейчас не помню), расположенного юго-западнее Сталинграда, прибыла немецкая танковая дивизия. Однако добавил, что я лично точными данными не располагаю, поэтому не могу считать информацию достоверной. Возможно, что в этом районе собраны поврежденные танки для ремонта, а их приняли за танковую дивизию.

Во время нашей беседы Прихидько хотя и посматривал на свою карту, но, как мне показалось, слушал не очень внимательно. Он заметно устал от бессонницы, глаза у него то и дело непроизвольно закрывались, и было видно, какие усилия он прилагал, чтобы не уснуть стоя.

После ухода полковника я дописал сводку. В пятом часу лег спать, а в девять, уже позавтракав, снова сел за стол.

Часа через два в блиндаж вбежал посыльный:

— Капитана Сергеева — к генералу Захарову. Срочно!

Последнее слово можно было и не произносить — не так уж часто меня персонально приглашали к начальнику штаба фронта. Через несколько минут я докладывал генералу о том, что прибыл по его приказанию. Георгий Федорович стоял под тентом около своего рабочего стола, рядом с ним — начальник одного из отделов штаба генерал-майор М.А. Кочетков. Здесь же находился чем-то заметно встревоженный полковник Прихидько.

Генерал Захаров обратился ко мне:

— Вы дали сведения полковнику Прихидько о прибытии на наш фронт новой танковой дивизии немцев?

— Никак нет, товарищ генерал, никому я таких сведений не давал. Полковник Прихидько был у меня сего-

дня ночью и интересовался последними новостями на моем направлении. Я сообщил ему, что есть, на мой взгляд, недостоверные данные о прибытии танковой дивизии, — и уже обращаясь к Прихидько, попросил:

— Товарищ полковник, подтвердите, пожалуйста, что именно так я вас и информировал.

— Да, так, — отозвался Прихидько.

Наступила тишина, какая бывает, когда на все вопросы получены исчерпывающие ответы и спрашивать больше не о чем. Наконец генерал Захаров поднял голову и, посмотрев на меня, сказал:

— Вы свободны, капитан, идите!

Едва я вернулся на свое место, как был вызван к начальнику отделения. Полковник начал разговор с вопроса:

— Знаете, что произошло?

— Нет, не знаю.

— После ночного разговора с Вами полковник Прихидько доложил заместителю командующего фронтом генералу Голикову как об установленном факте о прибытии сюда свежей танковой дивизии немцев. Голиков сообщил об этом командующему, а Еременко передал по ВЧ эти сведения в Ставку Верховного Главнокомандования и попросил при этом выделить необходимые силы авиации дальнего действия, чтобы разбомбить вражескую танковую дивизию до ввода ее в бой. Из ставки позвонили Захарову и потребовали уточнить район сосредоточения этой танковой дивизии врага. Генерал Захаров вызвал меня и возмутился тем, что он ничего об этом не знает. А когда я сообщил, что достоверность этих сведений считаю сомнительной, он при мне позвонил в Москву, спросил, откуда получена такая информация. Там удивились, сказали, что от Еременко. Еременко сослался на Голикова, Голиков — на Прихидько, а вот Прихидько — на Вас.

— Но ведь Вы сами слышали, как было дело, и полковник Прихидько характера нашего разговора не отрицал.

— Верно. Поэтому мы с Вами так спокойно беседуем. Но ведь и Прихидько ничего сам не выдумал. Он только не очень внимательно выслушал информацию. И если бы в Москве не возникла необходимость перепроверки, части авиации дальнего действия могли сбросить бомбы на несуществующую танковую дивизию. Или, предположим маловероятное, Прихидько не подтвердил бы Ваш разговор. Искать бы мне тогда нового сотрудника на освободившееся место. Поэтому запрещаю Вам и всем другим работникам отделения давать какие-либо сведения кому бы то ни было, кроме своих начальников. Идите и передайте это всем своим товарищам.

Только выйдя после беседы из блиндажа, я понял, в какую мог попасть беду сам, а еще хуже, подвести под нее других. Случай, когда я чуть не погорел из-за усталости полковника Прихидько, был единственным, но весьма поучительным.

Выбрав время, 7 октября я писал жене: «Командование мне доверило большую работу, и я отдаю ей все свои силы. Известно, что не ошибается тот, кто ничего не делает, но я в своей работе не имею права ошибиться, тем более что на фронте нет мелочей. Здесь может иметь чрезвычайную важность даже то, на что в мирное время никто не обратил бы и внимания».

Думаю, читатель не посетует на то, что я не раскрываю не только всей грандиозной панорамы Сталинградской битвы, но даже событий, происходивших на курируемом мною участке фронта. За минувшие десятилетия

издано множество капитальных военно-исторических трудов, мемуарных произведений, публикаций в периодической печати, осветивших шаг за шагом, день за днем все величие ратного подвига советских воинов — защитников волжской твердыни. Подробно описаны, тщательно проанализированы и оценены действия сторон, названы имена отличившихся в боях — от рядового бойца до командующих фронтами. Поэтому автор, который по роду своей деятельности был в то время в курсе развития многих боевых действий, поставил перед собой цель не повторять уже широко известное, а поделиться с читателями лишь лично виденным и пережитым, добавить еще хоть одну строчку в славную летопись героической сталинградской эпопеи.

Но при всем том нельзя полностью отрешиться от окружавшей автора обстановки, которая и побуждала его к тем или иным конкретным действиям. Поэтому хотя и не в строгой последовательности, без глобального охвата подробностей, но приходится то и дело обращаться к происходившему вокруг.

Войска Сталинградского фронта 5 сентября начали наступление с севера на немецкий клин в районе Латошинка — Рынок с задачей отбросить противника от Волги и соединиться с войсками Юго-Восточного фронта. Сразу же скажу, что это наступление продолжалось сравнительно недолго. Оно было сорвано немецкой авиацией. Наступавшим трудно было маскироваться на открытой местности. И, господствуя в воздухе, гитлеровцы, по сути дела, разбомбили наши войска.

При бомбежке Сталинграда в первую половину дня авиация противника всегда заходила с востока. Эскадрильи бомбардировщиков проходили над лесом, где находился КП фронта. Стоило только одной эскадрилье сбросить свой смертоносный груз на наш лесок, и от КП фронта мало что осталось бы, так как перекрытия у блиндажей были в большинстве случаев слабые.

Позднее немцы обстреливали наш лесок из 75-миллиметровых орудий (расстояние между ними и КП фронта со временем стало 7–8 км). Один снаряд попал на крышу блиндажа, пробил ее, убил и ранил нескольких человек. Можно себе представить, что было бы, если бы на КП фронта посыпались авиабомбы.

Отбивая наступление войск Сталинградского фронта, немцы сами вели ожесточенные наступательные бои против войск 62-й и 64-й армий на так называемом внутреннем обводе Сталинграда. 12 сентября наши войска отошли к окраинам города.

13 сентября немцы предприняли наступление на Сталинград. Первыми достигли западной окраины города части 71-й пехотной дивизии, носившей название Glück («Счастье»). Эта дивизия в числе других позднее оказалась в Сталинградском котле и была разгромлена. Название ее не спасло! Но 13 сентября дивизия как бы подтвердила, что она счастливее других. Тем более что она встретила сравнительно незначительное сопротивление с нашей стороны. Наиболее ожесточенные бои развернулись севернее, у аэродромного поселка, а затем в районе Мамаева Кургана (высота 102).

Обстановка с каждым днем становилась для нас все более тяжелой. Несмотря на то что в начале сентября нашим войскам удалось сорвать попытку врага выйти на широком фронте к Волге, в дальнейшем гитлеровцы, используя на направлениях главных ударов, в частности против ослабленной в предыдущих боях 62-й армии, по-

давляющее превосходство в живой силе и боевой технике, ворвались в Сталинград, в ожесточенных уличных боях 14 сентября овладели вокзалом, вышли в районе Купоросное к Волге. Правда, ударом частей 13-й гвардейской стрелковой дивизии враг на некоторое время был выбит из центра города, но в городе продолжались кровопролитные бои за каждый дом, каждую улицу.

С 28 сентября Сталинградский фронт был переименован в Донской, а наш, Юго-Восточный, стал называться Сталинградским. Казалось бы, название определяло и объект обороны — Сталинград. На самом деле штаб фронта занимался и более южными районами, вплоть до Астраханского направления.

Работа «направленца» в условиях городского боя оказалась очень сложной, а именно этим мне и пришлось заниматься. Тактика, которую применял противник, была весьма разнообразной. Чередовались танковые атаки, которые поддерживали значительные силы пехоты, с просачиванием через линию фронта мелких групп автоматчиков. Зафиксированы случаи, когда немцев, переодетых в красноармейскую форму, обнаруживали, когда они выкладывали в расположении наших войск опознавательные знаки для своих самолетов.

Надо признать, что взаимодействие авиации с наземными частями у противника было хорошо организовано. Это обстоятельство еще больше усиливало превосходство немецких войск над нашими. Но всему этому противостоял героизм советских воинов, благодаря которому Сталинград остался непокоренным.

В этот период я непосредственно в боях не участвовал. И все же нервное напряжение было огромное — наверное, даже больше, чем в первые дни пребывания на фронте. Утомляли чувство большой ответственности и постоянное, систематическое недосыпание. Спать приходилось 3–4 часа в сутки, не больше.

Преимущество немцев в авиации, танках, живой силе давало себя знать. В первых числах октября войска 62-й армии, оставив после упорных боев заводские поселки заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады», отбивали яростный натиск противника уже непосредственно на территории этих заводов, к которым враг продолжал подтягивать свежие силы. В начале второй декады он сосредоточил здесь около восьми дивизий. Однако полностью овладеть территорией заводов немцы так и не смогли, несмотря на два серьезных наступления в этом районе, предпринятых позднее (23–24 октября и 11 ноября).

На территории КП фронта мне часто приходилось видеть А.И. Еременко и Н.С. Хрущева. Хрущева можно было увидеть около его блиндажа в первую половину дня, когда эскадрильи немецких бомбардировщиков шли с востока на Сталинград и уже над нами начинали пикировать вниз. Небольшого роста, во фронтовой фуражке и шинели стоял он, иногда долго, смотрел на пикирующие самолеты и о чем-то думал.

А Андрей Иванович Еременко всегда был на ходу — то куда-то уезжал, то за чем-то шел в один из блиндажей. Вечером, уже в темноте, его можно было встретить прогуливающимся с А.В. Василевским, который довольно часто бывал на нашем КП. Во время таких прогулок их охрана состояла из младших лейтенантов, двигавшихся на таком расстоянии, чтобы не слышать разговор начальства и в то же время немедленно оказаться «под рукой».

Очень удачной для нас была операция, проходившая к югу от Сталинграда в конце сентября. В ней участво-

вали части 57-й и 51-й армий. От последней действовал отряд под командованием полковника Е.Ф. Макаруча. Перед отрядом стояла задача — в ночь на 29 сентября прорвать оборону румын и захватить село Садовое, находившееся в 20–25 км за линией фронта. В селе находился штаб румынской дивизии. Расчет был на быстроту и внезапность. При этом, конечно, требовался смелый и решительный командир. Как раз таким и был полковник Макаруч. Операцию по захвату Садового он провел блестяще.

Когда в Садовое вошли танки и автомашины с пехотой, паника там поднялась ужасная. Был убит немецкий офицер, бежавший с портфелем в руках. В портфеле оказался небольшой сейф с важными секретными документами. Среди них — простой лист бумаги, на котором очень схематично карандашом был набросан план летнего наступления немцев.

Гриша Зильбер переводил эти документы, когда они были доставлены в штаб фронта, и считал, что схема была сделана немецким офицером на одном из инструктивных совещаний. Направления главных ударов, даты захвата городов, все, что было до Сталинграда, — все идеально совпадало. Вот только со Сталинградом вышла у фашистов осечка. Главное разведуправление и ставка очень заинтересовались этим документом. И один из командиров нашего разведотдела полетел с ним в Москву.

Гитлеровцы понимали, что они увязли в Сталинграде, понимали, что надо формировать события, и стали готовить большое наступление на территорию Сталинградского тракторного завода, которая все время находилась в наших руках.

С утра 14 октября начались усиленная бомбежка и арт-обработка наших позиций в районе СТЗ, а в 8 часов противник перешел в наступление. На узком фронте действовало до 150 танков, несколько немецких пехотных дивизий (в том числе 305-я и 389-я) и пять саперных батальонов, переброшенных по воздуху из Германии. Ценой больших потерь немцы вышли к Волге и разрезали 62-ю армию. Но и это не решило в их пользу судьбу Сталинградского сражения.

Длительная работа в экстремальной, как теперь говорят, обстановке хотя и выматывала, казалось бы, до последнего предела, но приносила и неоценимый опыт, позволяла действовать все более уверенно и безошибочно. Да, мы накопили известный опыт, штабной коллектив трудился слаженно, каждый твердо знал и четко выполнял свои обязанности. К тому же и для нормальной работы на КП фронта были созданы все необходимые условия. Об этой стороне нашего бытия я так писал жене 25 октября: «Живем, как я тебе уже сообщал, в хорошем, прочном и по-своему уютном блиндаже. Сделали себе нары вроде тех, что в железнодорожном вагоне, конечно не в мягком, а в теплушке. Но каждый спит отдельно. Это, по фронтовым понятиям, уже роскошь. А на стенках полочки; столы и стулья самые настоящие. Есть электричество, хорошая печь. Словом, и тепло, и светло. А это необходимо для дела, потому что работать приходится очень много».

Так оно и было. Несмотря на обилие дел, настроение было хорошим, по-настоящему боевым. Особенно оно повысилось, когда наряду с текущей работой получили новое задание: рассчитать, в какой срок и какие немецкие части могут быть переброшены в район Сталинграда в случае нашего наступления. Так, хоть и не в прямой

постановке, мы узнали, что в районе Сталинграда готовится наступательная операция и, судя по всему, наш фронт будет принимать в ней участие. Уверенность в том, что не ошиблись, окрепла после того, как мы ознакомились с приказом Народного комиссара обороны И.В. Сталина от 7 ноября 1942 года по случаю 25-летия победы Великого Октября. Глубоко запали в душу полные уверенности слова: «Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник!».

Мы в меру возможностей отметили этот замечательный юбилей. 6 ноября собрались сотрудники нашего отдела — человек 15 разведчиков, работавших в штабе фронта. После небольшого доклада и выступлений был зачитан приказ по штабу и управлениям Сталинградского фронта. Выписку из него я приложил к одному из писем жене и сейчас храню ее как дорогую реликвию, а вместе с ней и одну вещь — наградные часы: «За хорошие показатели в работе, достигнутые в результате социалистического соревнования, всему личному составу штаба Сталинградского фронта выношу благодарность и награждаю ценными подарками (часы): ...капитана Сергеева Е.М. ...». В письме я не удержался, похвастался: «Получил по приказу благодарность и часы от человека, имя которого вошло в историю Отечественной войны». Речь шла о командующем фронтом генерале А.И. Еременко.

Когда я пишу эти строки, передо мной лежат большие карманные часы Кировского завода, которые, к великому сожалению, сломались в апреле 1943 года, о чем я расскажу дальше, и которые сейчас уже не берутся чинить ни в одной мастерской. Но и неисправные, они мне безмерно дороги не только как память о Сталинграде, о командующем фронтом, но еще и как свидетели связанных с ними событий, едва не стоивших мне жизни. Но об этом позже.

7 ноября в Сталинграде было сравнительно тихо. Активничала только авиация. Но 11 ноября противник вновь перешел в наступление в районе завода «Баррикады» и вышел там к Волге, еще раз разрезав 62-ю армию. Это был последний успех его в Сталинграде.

Вскоре после ноябрьских праздников резко изменилась обстановка в воздухе. Господство перешло к нашей авиации.

Подготовка наших войск к контр наступлению проводилась весьма скрытно. Прибывавшие новые части двигались в расположение 64-й, 57-й и 51-й армий только ночью, маскируясь днем в оврагах, рощах, населенных пунктах. Строго соблюдалось радиомолчание. Можно было рассчитывать, что сосредоточение наших войск для наступления южнее Сталинграда разведке противника раскрыть не удалось. В то же время в штаб фронта поступали сведения о перемещениях вражеских войск.

Так, наша радиоразведка все время контролировала работу радиостанции штаба 24-й танковой дивизии, впрочем как и большинства других немецких дивизий. К нашему удивлению, радиостанция этой дивизии, долго находившаяся на одном месте к западу от Сталинграда, за несколько дней до нашего наступления двинулась на северо-запад.

Авиаразведка подтвердила информацию. Мы только удивлялись: куда ее черт понес? Но, конечно, были рады этому неожиданному факту. По-видимому, немецкому командованию стало известно о готовившемся наступ-

лении войск Юго-Западного фронта (о чем, кстати, мы, разведчики, не знали), и оно начало подтягивать резервы к месту наступления другого фронта.

Наш удар был запланирован по румынским войскам, которые держали фронт южнее Сталинграда. И здесь за несколько дней до наступления наши передовые части отметили усиленное передвижение у противника. Шла какая-то перегруппировка войск. Эта перегруппировка особенно настораживала тем, что проводилась она в канун нашего наступления. У нашего командования возникло опасение, что румынские войска заменяются немецкими, боеспособность которых всегда была выше. Естественно, что командованию фронта необходимо было знать, не обнаружил ли противник сосредоточение наших войск, вследствие чего и готовился к отражению удара. От нас потребовали ответа о том, что происходит.

На этот раз все прояснилось довольно быстро. Нашим разведчикам удалось захватить «языков», которые показали, что на фронт прибыла 20-я пехотная дивизия румын и в связи с этим уплотнились боевые порядки противника. Кроме того, выяснилось, что моральное состояние солдат и офицеров этой дивизии было низким, ибо ранее она понесла большие потери в боях под Севастополем, долго пополнялась и сейчас, когда уже начались холода, имела в своем составе главным образом небоевые, правда хорошо экипированных, солдат.

Последнее обстоятельство имело немаловажное значение, когда речь шла о боеспособности войск. Ведь уже в середине ноября в районе Сталинграда установилась морозная погода. Потом на время потеплело, но вся зима была еще впереди. И мы встречали ее во всеоружии: еще в конце октября получили теплое белье, портянки, шапки, рукавицы и прочее. Перешли на добротную зимнюю форму и войска. Все было готово к броску вперед.

Точная дата контрнаступления хранилась в строгой тайне и нам была неизвестна. Однако о близости его мы сами догадывались по ряду признаков. Так, например, у нас на КП опять появился командир из генерального штаба — подполковник Ефимов, служивший в свое время начальником штаба 617-го стрелкового полка еще до моего прибытия туда. Как однополчанин он относился ко мне по-дружески, нередко с теплотой вспоминал наших общих фронтовых друзей, но как генштабист умел держать язык за зубами, так что, если и знал о предстоявшей операции, ни разу о ней не обмолвился, а я, естественно, об этом и не спрашивал. Кстати, еще в конце сентября он меня обрадовал вестью, что недавно встретил в одной из дивизий Сироткина. Петр воевал хорошо, удостоился еще одного ордена.

Чувство личной сопричастности к делам однополчан, забота о них, столь трогательные и в настоящее время, когда собираются уже ветераны былых сражений, закладывались и формировались еще в огне жесточайшей войны. И тогда, встречаясь на фронтовых дорогах, однополчане испытывали радость, желание помочь один другому в чем-нибудь. Случалось, что это приводило и к курьезам.

Как-то подполковник Ефимов, обратив внимание на мой усталый от постоянного недосыпания вид, предложил воспользоваться для отдыха предоставленным ему небольшим блиндажом, так как сам он на несколько дней выезжал в войска. В ту же ночь (на 20 ноября) я воспользовался любезным приглашением и, договорив-

шись с товарищами, что они меня разбудят, если понадобится, отправился в блиндаж. Там приготовил постель, запер дверь на массивный засов, погасил фонарь «летучая мышь» (электрического освещения в этом блиндаже не было) и забылся в крепчайшем сне.

Проснулся от какого-то грохота. В чем дело — не пойму, где нахожусь — тоже не могу сообразить: темно как в могиле. А рядом что-то трещит, рушится. Рухнула наконец... дверь блиндажа. И, когда вспыхнул луч ручного фонарика, я разглядел встревоженные лица сотрудников отделения. Оказалось, что часа через два после того, как я отправился спать в блиндаж, полковник Белокуров созвал всех сотрудников на экстренное совещание. Заметив мое отсутствие, спросил: «Где Сергеев?» Узнав, что отдыхаю в блиндаже, приказал разбудить и немедленно направить сюда. Побежали будить, стучали на совесть, но безрезультатно. Доложили об этом полковнику.

— Ломайте дверь, — приказал он.

Я и проснулся, когда выполнялся этот приказ. Прибежал на совещание. Полковник, упредив мой рапорт о прибытии, жестом руки пригласил сесть, оглядел присутствовавших и сказал:

— Ну, теперь все собрались. Товарищи командиры, сегодня в восемь часов наш фронт переходит в наступление. Поздравляю вас!

Командующий войсками фронта А.И. Еременко, член военного совета Н.С. Хрущев и часть сотрудников оперативного отдела находились на новом КП фронта в Райгороде, а наше отделение продолжало оставаться на берегу Ахтубы. Но мы по стекавшимся к нам данным могли детально следить за ходом боевых действий.

Уже с самого начала стало ясно, что меры, принятые для скрытного сосредоточения войск, оказались достаточно эффективными, и наше наступление застало противника врасплох. После небольшой задержки, связанной с утренней непогодой, в 10.00 ноября ствольная артиллерия и «Катюши» открыли огонь по расположению румынских войск. По мере того как рассеивался туман, вступали в бой 51-я, 57-я, 64-я армии. После этого в бой были введены танки и пехота.

В первый же день оборона врага была прорвана и в прорыв были введены подвижные соединения.

Имевшиеся в штабе фронта данные о низкой боеспособности румынских частей и соединений, в частности 20-й пехотной дивизии, подтвердились: вскоре к нам поступили сведения, что один из ее батальонов сразу же выкинул белый флаг и сопротивления не оказал. Как выяснилось из допроса его командира, капитана румынской армии, это он отдал приказ о сдаче, чтобы сохранить жизнь солдатам. Затем, тоже без боя, сдался артополк этой дивизии; слабое противодействие оказали другие румынские части и соединения. Правда, на ряде участков враг оказывал ожесточенное сопротивление. На помощь румынским войскам были переброшены немецкие, которые пытались контратаковать. Но остановить наступательный порыв наших воинов они оказались бессильны и были разгромлены.

Успех первого дня был удачно развит, и 23 ноября наступавшие танковые части Сталинградского фронта встретились в районе населенного пункта Советский (ст. Кривомузгинская) с танковыми частями Юго-Западного фронта. Войска противника в междуречье Дона и Волги оказались в окружении.

Когда говорят об окружении немецких войск под Сталинградом, то обычно указывают, что попали в окружение войска двух немецких армий — 6-й, которой командовал генерал-полковник Паулюс, и 4-й танковой армии, находившейся под командованием генерал-полковника Хота. А затем о 4-й танковой армии редко вспоминают и все время упор делается на разгром войск 6-й армии Паулюса. В этом скрывается существенная ошибка. 4-я танковая армия Хота по своим боевым качествам и значению не уступала 6-й армии Паулюса. Но вели себя главнокомандующие этих двух армий по-разному.

Штаб Паулюса находился в направлении главного удара Юго-Западного фронта, штаб Хота — в направлении главного удара Сталинградского фронта. У Паулюса был выход отойти на запад, но он предпочел двинуться на восток, чтобы быть вместе со своими войсками в окружении. Это же мог сделать и Хот, если бы он отошел на север. Но Хот бросил свои войска и стремительно двинулся на юг, на Котельниково. Все это мы отчетливо видели на своих картах, используя данные радиоразведки.

В создавшейся обстановке Паулюс встал во главе окруженных войск двух армий — 6-й и 4-й. Поэтому надо ясно отдавать себе отчет в том, что под Сталинградом, а на заключительном этапе и в самом городе были уничтожены две немецкие армии, каждая из которых по своей численности и техническому оснащению превосходила обычные советские армии, принимавшие участие в боях. Надо сказать, что в ходе нашего наступления под Сталинградом особенно резко проявились недоброжелательные, а подчас и враждебные отношения между немцами и румынами.

По агентурным данным, отступавшие румынские части «докатались» до Зимовников. Немцы пытались их остановить на Маньче. Несмотря на поставленные на мосту пулеметы, румыны не подчинились. Дали бой и перешли Маньч. Я этому агентурному сообщению склонен верить. Румынские солдаты и офицеры не хотели воевать за интересы немецких фашистов.

В период нашего наступления работы в разведотделе фронта прибавилось. Но настроение было у всех отличное. Подъем был необычайный: ведь сбылась мечта — фронт наступает! Проблема сна стала еще более острой. 21 ноября я писал жене: «...за последние дни я спал не больше трех часов в сутки. Это явно не по науке, но поверь, что готов так работать до самой победы — лишь бы продолжалось наше наступление, лишь бы мы били фашистов, и как можно крепче...».

Из письма родителям 27 ноября: «У вас в эти дни должно быть радостное чувство. Совинформбюро сообщает каждый день о продвижении наших войск под Сталинградом. Я помню статью Симонова “Москва”. В ней он писал, что в прошлом году вся страна ждала слова “наступление”, и 5 декабря в битве под Москвой надежда воплотилась в жизнь. В этом году весь советский народ тоже ждал наступления Красной Армии, и вот оно развернулось, теперь уже под Сталинградом. И здесь фашистам пощады не будет...».

Из письма жене 4 декабря: «Ты уже знаешь из газет, что по фашистам здорово ударили. Теперь их необходимо добить. Все мы, фронтовики, уверены, что эту задачу наши войска решат успешно, хотя на пути к полной победе нас ждет еще немало трудностей...».

Погода немцам благоприятствовала. Хотя и выпал снег, но морозов больших не было, часто стояли туманы.

Волга не замерзала, и это затрудняло снабжение наших наступавших частей боеприпасами, горючим и фуражом, в котором нуждались кавалерийские дивизии. Приезжавшие с фронта рассказывали, что лошади сильно отощали и не могут делать больших переходов. Туманы не давали возможности использовать преимущества нашей авиации.

Действительно, трудностей впереди было много, и первая из них — разгромить окруженную крупную группировку врага, не дать ей вырваться из кольца. А по поступавшим сведениям трудно было определить действительную численность окруженных войск, наличие у них боевой техники, продовольствия, боеприпасов. Важно было бы узнать и о моральном состоянии личного состава, определявшем его боеспособность. Но четких ответов на эти вопросы пока не было. Требовалось время, а его то как раз не хватало и стало еще меньше, когда поступили данные о создании в районах Котельниково и Тормосина двух крупных вражеских группировок, явно предназначенных для деблокирования окруженных войск. Противник готовил контрнаступление. В районе южнее Котельниково формировалась группа армий под командованием фельдмаршала Манштейна (именно не Хота, а Манштейна), которая должна была ударом с юга по Сталинграду соединиться с окруженными войсками Паулюса. Она состояла из отборных воинских соединений.

Сюда была перебросена из Франции 6-я танковая дивизия. На ее танках и автомашинах белой краской была нарисована Эйфелева башня в память о взятии этой дивизией Парижа. Эшелоны шли с 6-й дивизией по «зеленой улице»; гнали их быстро, считая, что это такая сила, против которой устоять русским будет трудно. Действительно, дивизия была полностью укомплектована техникой и людьми. Около 30% ее личного состава были награждены почетным знаком «За участие в рукопашном бою» — на лавровом венке наискось лежит винтовка со штыком.

В группу Манштейна входили еще две танковые дивизии (23-я и 17-я). Большой силой были также 16-я мотодивизия и особенно мотодивизия СС «Викинг», укомплектованная ярыми фашистами. 384-я пехотная дивизия и румынские части, которые были переформированы и вновь двинуты на фронт, большого значения не имели. Главной силой Манштейна были танки: они должны были решить судьбу Сталинградского сражения.

12 декабря несколько сотен танков из деблокирующей группировки Манштейна перешли в наступление на занимаемые войсками нашего фронта рубежи севернее Котельниково. Ослабленные в предыдущих боях части нашей 51-й армии мужественно приняли на себя удар, но под напором значительно превосходивших сил противника вынуждены были с упорными боями отходить на север.

Именно в этот момент наш разведотдел получил приказ перебазируться на правый берег Волги, в Райгород. Перебросили нас туда на самолетах У-2.

Из письма жене от 18 декабря: «Пишу тебе с новой своей “квартиры”, на которую мы перелетели несколько дней тому назад на самолетах “королевской авиации” — так в шутку называют фронтовики учебный самолет У-2. Немцы же до недавнего времени эту машину звали “рус фанер”, но сейчас уже убедились, что У-2 — универсальный боевой самолет, пригодный и для связи, и для разведки, и, главное, для изнуряющих врага ночных

бомбардировок. Впрочем, об этом уже немало написано. Перелет прошел очень хорошо, длился он недолго, в воздухе “мессеры” отсутствовали — в последнее время их здорово гоняют наши “ястребки”, так что, несмотря на плохую погоду, получил большое удовольствие».

Вообще-то полеты на У-2 под Сталинградом, так же как и в других прифронтовых районах, далеко не всегда были безопасными. В одном из таких полетов погиб полковник Чернов из оперативного отдела, летевший в расположение наших наступающих частей для уточнения обстановки. Он был убит прямо в самолете пушечно-пулеметной очередью с «Мессершмитта».

В Райгороде нам, разведчикам, приходилось работать на два фронта: изучать действия противника в окружении и особенно внимательно — действия наступавшей группировки Манштейна.

Что касается окруженных войск Паулюса, то они перешли к жесткой обороне. По поступившим в штаб данным, там были оборудованы огневые точки, землянки с перекрытиями из бревен, железнодорожных шпал и рельсов; отрыты окопы полного профиля. Румынские части расформировали, а их солдат и офицеров распределили по немецким подразделениям. Немецкие офицеры стали жить вместе с солдатами. На каждом участке переднего края гитлеровцы установили пулеметы, расчеты которых получили приказ расстреливать каждого, пытавшегося покинуть позицию. Солдат и офицеров повышали в чинах, многих награждали Железными крестами. Пряником и кнутом делалось все возможное для поднятия морального духа и немедленного пресечения любой попытки сдачи в плен.

Тем временем соединения группировки Манштейна сблизились с окруженной армией Паулюса на 40 километров. Можно было ожидать наступления войск Паулюса навстречу деблокирующей группировке. Однако этого не произошло. В 10 часов утра 24 декабря в наступление перешла 2-я гвардейская армия под командованием Р.Я. Малиновского. Удар наносился с севера вдоль Дона, во фланг наступающим немецким частям, и замысел врага был сорван.

К 30 декабря был освобожден от оккупантов г. Котельниково, откуда начиналось наступление Манштейна. Стало ясно, что попытка врага деблокировать окруженную в районе Сталинграда группировку провалилась.

Радостно мы встретили новый 1943 год в Райгороде. Все были уверены, что Сталинградская битва не только выиграна, но ее исход окажет и решающее влияние на дальнейший ход войны.

1 января 1943 года мы на грузовых автомашинах выехали из Райгорода в Котельниково. Эта поездка осталась в памяти на всю жизнь. Маршрут проходил по тем местам, где 2-я гвардейская армия громила группировку Манштейна. Мне еще никогда не доводилось видеть столько разбитой и брошенной вражеской техники — танков, автомашин, орудий. На многих из них белой краской была намалевана по трафарету Эйфелева башня — опознавательный знак 6-й танковой дивизии. Да, по-разному в разных странах сложилась судьба «завоевателей»: с триумфом вступили они в Париж, а у стен Сталинграда потерпели жестокое поражение. Сталинград — это вам не Париж, говорили мы. 🌐

ГЕОТЕХНИКА

Журнал для изыскателей, проектировщиков и строителей

Цель журнала — ознакомление российских специалистов с передовым отечественным и зарубежным опытом в области геотехники

Периодичность в 2017 году:

6 номеров

Стоимость годовой подписки:

3900 рублей

info@geomark.ru

